

К ВОПРОСУ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ И ПРИЧИНАХ ПОХОДА ПИРРА НА РИМ

В истории республиканского Рима трудно припомнить достаточное количество эпизодов, когда враг оказывался в непосредственной близости от города, заставляя трепетать его обитателей. Доподлинно известно о двух из них: походе эпирского царя Пирра в 280 г. до н.э. и походе Ганнибала в период второй Пунической войны. Лишь дважды в эпоху республики судьба «вечного города» оказывалась буквально висящей на волоске. Но если один из них – поход Ганнибала – получил столь широкую известность, что даже нашел свое отражение в уже ставшей сакраментальной фразе «Ганнибал у ворот!», то обстоятельства и причины похода Пирра на Рим практически не нашли своего освещения в научной литературе.

Античная историческая традиция, повествующая об этих событиях, с одной стороны, достаточно обширна¹, с другой – запутанна и тенденциозна.

Даже беглый ретроспективный взгляд на сохранившуюся источниковую базу позволяет выявить две четко обозначившиеся линии: одну, идущую от Аппиана, которая относит поход Пирра на Рим к периоду, наступившему непосредственно сразу же после миссии Кинея и срыва мирных переговоров, и вторую – ведущую свое начало от римских анналистов и представленную Титом Ливием и его эпиноматорами Флором, Евтропием, Дионом Кассием и Зонарой, хотя рассказ последнего и представляется нам достаточно полным². Незначительно лишь расходясь в определении конечного пункта похода Пирра, они единодушны в том, что поход был предпринят эпирским царем сразу же после битвы при Гераклее еще до начала переговоров с Римом. Непосредственная последовательность двух событий – похода на Рим и начала мирных переговоров – побудила большинство исследователей рассматривать эти события в неразрывной связи³.

Б.Г. Нибур, один из первых исследовавший данные события, отдает явное предпочтение версии Аппиана. По его мнению, Пирр, вступив в Кампанию, выдвинул определенные политические требования, отказ от которых и привел к его дальнейшему походу на Рим. После заключения мира между Римом и этрусками он был вынужден отвести свои войска на зимние квартиры⁴. И.Г. Дройзен, напротив, принимает версию анналистов, считая, что Пирр предпринял свой поход после Гераклеи, но, узнав, что консул Корунканий успешно завершил войну в Этрурии, сам начал мирные переговоры из опасения потерпеть поражение⁵.

По мнению Т. Моммзена, мирные переговоры предшествовали походу на Рим, причем инициатором их был сам Пирр. «Во время этих переговоров Пирр вступил в Кампанию, но лишь только узнал, что они прерваны, двинулся на Рим с целью протянуть руку этрускам, поколебать преданность римских союзников и угрожать самому городу»⁶. Совсем уж неправдоподобное мнение выдвинул В. Ине, который считает, что Пирр начал свое наступление на Рим одновременно с миссией Кинея⁷.

¹ См. *Plut.* Pyrrh. 17; *App. Samn.* 10. 3; *Dionys. Hal.* XIX. 13; *Liv. Epit.* 13; *Flor.* I. 13, 24; *Eutrop.* II. 12; *Ampel.* 28. 3; *Zon.* VIII. 4. 1–3; *Dio. fr.* 40. 27–28.

² По мнению Р. Шуберта (см. *Schubert R. Geschichte des Pyrrhos. Königsberg, 1894. S. 188*), первыми римскими анналистами, в трудах которых данные события нашли свое отражение, были Валерий Анциат и Клавдий Квадригарий, причем если версия первого лежит в основе версии Ливия и его эпиноматоров, то версия Квадригария была якобы представлена Аппианом и ей немецкий ученый отдает явное предпочтение. Однако это лишь предположение.

³ См., например: *Hamburger O. Untersuchungen über den Pyrrische Krieg. Würzburg, 1927. S. 27.*

⁴ *Niebuhr B.G. Römische Geschichte. Bd III. B., 1832. S. 563.*

⁵ *Дройзен И.Г. История эллинизма. Т. 3. Ростов-на-Дону, 1997. С. 106.*

⁶ *Моммзен Т. Римская история. Т. I. Ростов-на-Дону, 1997. С. 390.*

⁷ *Ihne W. Römische Geschichte. 2 Aufl. Bd I. Lpz., 1893. S. 494.*

Более подробно собственную точку зрения обосновывает Р. Скала; он также связывает поход на Рим с началом мирных переговоров, инициатором которых, по его мнению, выступили именно римляне. Вслед за миссией Фабриция последовало посольство Кинея в Рим, что свидетельствует о том, что Пирр после долгих колебаний принял политику мира. Однако, с одной стороны, выступление слепого Аппия Клавдия, с другой – известия об успешном окончании войны с этрусками побудили сенат отвергнуть требования Пирра. Изменившаяся во время переговоров военно-политическая обстановка – форсированный марш Корункания на помощь Риму и угроза Пирру со стороны Левина с тыла – сделали продолжение кампании для эпирского царя невозможным⁸.

Более правдоподобной для нас представляется точка зрения Р. Шуберта, который, приняв за основу сведения Аппиана, утверждает, что Пирр вторгся в Кампанию только после того, как переговоры по вине римлян завершились безрезультатно⁹. Некоторые исследователи существенно дополнили подобную точку зрения. Так, Г. Герцберг, а затем и О. Гамбургер высказали вполне обоснованную мысль о том, что те достаточно жесткие условия, которые Пирр ставил на переговорах с римлянами, едва ли были бы возможны в случае его неудачного похода на Рим¹⁰. Но и по сей день в литературе можно встретить обе точки зрения. Так, У. фон Хассел, вообще отрицая сам факт каких-либо переговоров после битвы при Гераклее, поход против Рима помещает непосредственно вслед за сражением¹¹. К. Кинкейд поход против Рима связывает с неудачным завершением переговоров¹², а Г. Бенгтсон, наоборот, считает начало переговоров итогом неудачного похода на Рим, отводя Пирру инициативу в их проведении¹³.

Менее спорным, хотя и достаточно дискуссионным, является вопрос о мотивах похода Пирра на Рим. Свидетельство Зонары (VIII. 4. 1) о том, что Пирр хотел непосредственно захватить Рим, отвергается подавляющим большинством исследователей. Наиболее категоричны в этом вопросе Д. Эббот, О. Гамбургер и М. Жакмо¹⁴.

Все исследования, так или иначе касающиеся мотивов похода Пирра на Рим, имеют один существенный недостаток: их авторы всегда стремятся в качестве основного выдвинуть какой-либо один, единственный мотив. Так, по мнению Т. Моммзена, главный целью Пирра было «протянуть руку этрускам, поколебать преданность римских союзников и угрожать самому городу»¹⁵. По мнению М. Жакмо, таким мотивом было стремление Пирра соединиться с силами этрусков, что помогло бы ему в конечном итоге окружить и заблокировать Рим¹⁶. В отличие от М. Жакмо, О. Гамбургер выдвигает на первое место совершенно иные мотивы. Поход Пирра на Рим, по его выражению, был «не чем иным, как военной демонстрацией, чтобы показать римлянам, что будет с ними в случае отклонения мирных предложений. Может быть, но это во вторую очередь, ему пришла мысль об объединении с этрусками»¹⁷. О. Гамбургеру вторит Г. Бенгтсон, для которого поход Пирра – также всего лишь демонстрация

⁸ *Scala R. Der pyrrhische Krieg. B.-Lpz, 1884. S. 140.*

⁹ *Schubert. Op. cit. S. 191.*

¹⁰ *Herzberg G. Rom und König Pyrrhus. Halle, 1870. S. 111; Hamburger. Op. cit. S. 59.*

¹¹ *Hassel U. Pyrrhus. München, 1947. S. 49.*

¹² *Kincaid C. Successors of the Alexander the Great. Chicago, 1969. P. 71–72.*

¹³ *Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 128–129.*

¹⁴ *Abbot J. Pyrrhus. N.Y., 1902. P. 136; Hamburger. Op. cit. S. 59; Jacquemod M. Sulle direttive politiche di Pirro in Italia // Aevum. 1932. Fasc. 1–4. P. 456. Последняя в своих выражениях наиболее категорична. «Признать за ним подобные намерения (захватить Рим. – К.С.) позволяет Зонара, но это значило бы поставить под сомнение политическую изобретательность и хитрость Пирра. Ибо каким же образом он мог решиться на столь опасное дело на территориях, где проживали народы и племена, на верность которых он не мог положиться, которых присоединила к нему лишь недавняя победа, а малейшая неудача вновь могла их сделать врагами?» – восклицает автор.*

¹⁵ *Моммзен. Ук. соч. С. 390.*

¹⁶ *Jacquemod. Op. cit. P. 456.*

¹⁷ *Hamburger. Op. cit. S. 59.*

собственных сил¹⁸. Г. Скаллард в двух своих известных работах в качестве основного мотива называет в первую очередь привлечение на свою сторону римских союзников, а уже затем желание эпирского царя помочь этрускам¹⁹. Несколько шире попытался решить эту проблему И.Г. Дройзен, который в качестве основных причин назвал стремление Пирра «своим появлением побудить отпасть ... союзников и подданных Рима, вместе с тем сократить его боевые средства и в той же мере увеличить свои, частью с тем, чтобы вступить в непосредственную связь с Этрурией»²⁰.

Таким образом, принимая во внимание все вышеназванные мотивы, которыми руководствовался царь Пирр, направляясь в поход на Рим, не станем игнорировать ни один из них: его стремлением было и присоединение к себе еще колеблющихся римских союзников и, таким образом, ограничение сферы господства римлян, и желание соединиться с еще сражающимися с Римом этрусками, беря Рим в кольцо, и в некоторой степени демонстрация своей военной мощи, своего рода средство давления на римлян с целью побудить их принять его условия мира. Это был также своего рода разведывательный поход с целью выявления истинных сил Рима и ознакомления, если так можно выразиться, на месте с реальным положением дел. Именно это предприятие должно было высветить Пирру перспективы дальнейшего ведения войны с Римом и скоординировать его дальнейшие планы в Италии.

Какими же силами располагал Пирр, направляясь в поход на Рим? Здесь мы вынуждены вступить в область сложных расчетов и предположений. Мы не знаем точно численности войска Пирра до битвы при Гераклее. Р. Скала называет в качестве приблизительной цифры 35 тыс.²¹, О. Гамбургер – 30 тыс.²², А. Санти – 30–32 тыс. воинов²³.

Таким образом, войско Пирра не должно было превышать 35 тыс. человек. И если мы возьмем за основу цифры потерь исходя из данных Иеронима из Кардии (Plut. Rugh. 17), то в поход против Рима должна была направиться, включая контингенты союзников, армия не более чем в 25 тыс. человек.

Противоречивость свидетельств, содержащихся в античной исторической традиции, вызывает определенные сложности и в попытках реконструкции самого маршрута похода. Потерпев неудачу на переговорах, Пирр вторгся в Кампанию, опустошая все на своем пути. Поход сразу же начал развиваться по неудачному для Пирра сценарию. Подойдя к Капуе, важному в стратегическом отношении пункту в Центральной Италии, он обнаружил, что город уже занят остатками войск разбитого ранее Валерия Левина. Не вступая в сражение, Пирр двинулся на Неаполь, но и здесь его ждало разочарование: жители города заперли ворота и не пустили его в город. Однако и после этих неудач эпирский царь не прекратил своего движения вперед. В Рим вели две наиболее удобные дороги – *via Appia* и *via Latina*. Чтобы встретить меньше препятствий, Пирр выбрал последнюю²⁴. Наши попытки установить дальнейший маршрут Пирра наталкиваются на определенные сложности.

В эпитамах Тита Ливия содержится краткая информация о том, что Пирр просто дошел до Рима (Erit. 13). Более подробны в этом отношении его эпитоматоры Флор и Евтропий. Первый сообщает о том, что Пирр опустошил берега Лириса и Фрегеллы, занял крепость Пренесте, оказавшись на расстоянии 20 миль от Рима (Flor. I. 13, 24). Флору вторит Евтропий, согласно которому Пирр занял Пренесте, расположенный в 18 милях от города (*ad Preneste venit, miliario ab urbe octava decimo* – Eutrop. II. 12. 1). С данными Флора и Евтропия созвучны сведения автора III в. Ампелия, также

¹⁸ Бенгтсон. Ук. соч. С. 128–129.

¹⁹ Scullard H. The Elephant in Greek and Roman World. Cambr., 1974. P. 105; *idem*. A History of the Roman World from 753 to 146 B.C. L., 1980. P. 142.

²⁰ Дройзен. Ук. соч. С. 109.

²¹ Scala. Op. cit. S. 162.

²² Hamburger. Op. cit. S. 15. Anm. 11.

²³ Santi A. L'ultima campagna di Pirro in Italia // Neapolis. 1914. II. P. 288.

²⁴ Schubert. Op. cit. S. 191.

сообщающего о том, что Пирр достиг 20-го от города милевого столба (Ampel. 28. 3). Обычно обстоятельный и подробный рассказ Плутарха здесь непонятным образом краток. Его сообщение о том, что Пирр продвинулся вперед настолько, что его от Рима отделяло лишь 300 стадиев (...καὶ προῆλθεν ὅσον μὴ πλεον σταδίωον τριακοσίων ἀποσχεῖν τῆς Ῥώμης – Plut. Pyrrh. 17), мало что добавляет к нашим сведениям о маршруте Пирра²⁵. Принимая выдвинутое немецкими учеными предположение о двух направлениях в античной исторической традиции о походе Пирра на Рим, мы можем отнести свидетельство Плутарха именно к первому, римскому направлению. Второе же направление, которому отдает предпочтение большинство исследователей, содержится в рассказе Аппиана. Вкратце суть его рассказа заключается в том, что после миссии Киней в Рим и срыва переговоров Пирр двинулся на Рим, но успел пройти только до Анагнии, после чего, вследствие богатой добычи и большого числа пленников, был вынужден повернуть назад (App. Samn. 9. 3).

Как же обстояло дело в действительности? В этом случае мы должны обратиться к исследованию В. Ине, на чей авторитет ссылаются все ученые, которые пытались разобраться в этом вопросе. Продвигаясь далее по латинской дороге, Пирр занял Анагнию. То, что жители Анагнии добровольно впустили его в город, кажется невероятным предположением, ибо Анагния была жестоко наказана римлянами за измену в третьей Самнитской войне и, видимо, потеряла свои стены. Но ни о повторном завоевании города, ни о его наказании за измену мы не находим никаких упоминаний²⁶. Следовательно, если Анагния и была какое-то время во власти Пирра, то захват ее был осуществлен исключительно силой оружия.

Более поздние эпитоматоры, как уже было сказано, упоминают о дальнейшем продвижении Пирра и занятии им Пренесте. В. Ине и подавляющее большинство других исследователей отвергают этот факт как в высшей степени недостоверный²⁷. Какие же аргументы в этом случае принимаются в расчет? Во-первых, Пренесте из-за своего местоположения считался в то время неприступной крепостью (Zon. VIII. 3) и в силу своего особого положения – город по латинской дороге запирал путь на Рим – непременно должен был быть занят римским гарнизоном²⁸. Кроме того, с захватом Пренесте, который находился от Рима на расстоянии всего лишь 23 миль²⁹, трудно было отказаться от соблазна овладеть и Римом, даже если это и не входило в планы эфирского царя.

Какие же цели преследовали римские анналисты, давая заведомо ложные сведения? Приукрашивание событий, намеренное сгущение красок, нагнетание драматизма, столь характерные для римской анналистики, ясно обнаружались и на этот раз. Едва ли римские анналисты, описывавшие эти события через несколько столетий, помнили об истинном положении дел. Но представить дело так, будто Пирр уже видел

²⁵ Удивительная краткость Плутарха в данном пассаже заставляет нас вернуться к вопросу о его первоисточнике. Предположение Р. Скалы (Op. cit. S. 140), что главным источником Плутарха при описании данного эпизода был придворный историк Пирра Проксен, мы категорически отвергаем по следующим мотивам. Владевший достоверной информацией Проксен должен был дать надежные и подробные сведения. Кроме того, в рассказе Плутарха отчетливо ощущается влияние некоего римского источника – либо Ливиевой традиции, либо Дионисия. Принимая вывод Р. Шуберта (Op. cit. S. 61) о том, что в Плутарховой биографии Пирра мы не находим никаких следов Ливиевой традиции, мы убеждены, что именно Дионисий был главным источником Плутарха в описании похода Пирра на Рим, о чем свидетельствует как общая тональность рассказа, так и то, что Плутарх в одном из пассажей биографии Пирра даже ссылается на Дионисия в качестве авторитета.

²⁶ Ihne. Op. cit. S. 493.

²⁷ Ibid. S. 494; Scala. Op. cit. S. 141. Anm. 6; Schubert. Op. cit. S. 191; Hamburger. Op. cit. S. 28; Моммзен. Ук. соч. С. 390; Бенгтсон. Ук. соч. С. 128. Версию эпитоматоров вслед за И.Г. Дройзенем (Ук. соч. С. 107) принимают У. Хассел (Op. cit. S. 49), М. Лефковитц (Lefkovitz M.P. Pyrrhus' Negotiations with the Romans 280–276 B.C. // Harvard Studies in Classical Philology. 1959. 64. P. 161) и некоторые другие авторы.

²⁸ Scala. Op. cit. S. 140. Anm. 6.

²⁹ По подсчетам голландского историка А. Недерлофа (Nederlof A. Pyrrhus van Epirus. Amsterdam, 1978. S. 142), Пренесте находился в 30 км, а Анагния – в 53 км от Рима.

стены Рима, а затем был вынужден с позором отступить, – подобные рассказы служили прославлению римской доблести и героизма славной эпохи Республики.

Дойдя до Анагнии, опустошив и разорив римские владения, Пирр был вынужден начать обратное движение на юг. Царь не был готов к длительной осаде Рима, не располагал осадными орудиями, которые он, кстати, затем широко использовал на Сицилии. Общая стратегическая обстановка явно стала складываться не в его пользу. Этруски, на союз с которыми он рассчитывал, уже заключили мир с римлянами, и высвободившаяся армия консула Т. Корункания из Этрурии стремительным маршем двигалась на Рим. Не менее горькое разочарование постигло Пирра в Кампании и Лации. В отличие от своих соседей – самнитов, бруттиев и луканов – племена латинов, близкие к римлянам по языку и культуре, предпочли господство Рима господству чуждого им народа. Все города заперли перед Пирром свои ворота, а брать каждый город штурмом – на это у Пирра не было ни сил, ни времени, да это и не входило в его планы. Расчет на то, что вся Италия сразу же объединится под его властью в борьбе против Рима, явно не оправдался.

Между тем положение Пирра начало заметно ухудшаться. После дополнительного набора в римскую армию ему противостояли значительные силы противника. Навстречу ему двигалась армия Корункания, в тылу прочные позиции занимала существенно пополнившаяся армия недавно разбитого Левина, да и сам Рим располагал значительным гарнизоном, способным выдержать длительную осаду. Как опытный стратег Пирр прекрасно отдавал себе отчет в том, что любой неудачный исход сражения вдали от своих основных баз, в стране, населенной исключительно враждебными народами, мог обернуться полной катастрофой³⁰. В этих условиях он принимает единственно правильное решение – не вступая в сражение с римлянами, вывести свои войска из грозившего ему окружения на подконтрольные его союзникам территории. К этому же его побуждали и два других фактора – войско было настолько отягощено военной добычей и пленными, что значительно снижало его маневренность и боеспособность (Arr. Samn. 10. 3), а время года вынуждало Пирра отвести свои войска на зимние квартиры.

Об отступлении Пирра сохранился относительно подробный рассказ Зонары. На обратном пути, в Кампании, войско Пирра встретилось с войском Левина. Царь, пытаясь запугать противника, отдал приказ своим воинам громко кричать и ударять в щиты. В свою очередь римляне стали кричать еще сильнее, чем если не испугали, то достаточно сильно смутили противника (Zon. VIII. 4. 3). Однако на данный момент ни в планы Пирра, ни в планы римлян сражение не входило, поэтому оба противника от него благополучно уклонились. Каждый остался при своем интересе: римляне отстояли свои территории, а эпирский царь с захваченной добычей благополучно возвратился на подконтрольные ему земли. Он разместил свои войска на зимние квартиры, а сам возвратился в Тарент (Zon. VIII. 4. 3). Это было завершением не только похода Пирра на Рим, но и всей кампании 280 г. до н.э.

Таким образом, реконструкция похода Пирра на Рим представляется нам в следующем виде. Разбив римлян при Гераклее, Пирр вторгся в Кампанию. В этот момент римляне оказались в тяжелейшей ситуации. Грозный и доселе неизвестный враг, к тому же использующий страшных животных, двигался на Рим с юга. На севере с переменным успехом шла война с этрусками, отвлекавшая достаточные силы. Возникла реальная угроза объединения двух серьезных противников, противостоять которым Риму едва ли было под силу. К тому же было неизвестно, как поведут себя римские союзники при крайне неудачном для города стечении обстоятельств. Оказавшись в безвыходной ситуации, римляне начали переговоры с Пирром о мире. То, что инициатива исходила от них, не вызывает никаких сомнений. Пирр откликнулся на призыв римлян, и это явственно свидетельствует о том, что его планы в Италии носили ограниченный характер. Вслед за миссией Г. Фабриция, которая была замас-

³⁰ *Jacquemod. Op. cit. P. 456.*

кирована римской анналистикой под переговоры о возврате пленных, последовала миссия Киней в Рим. Но к удивлению многих, особенно Пирра, она завершилась безрезультатно. Что же предопределило ее итоги?

Оказавшись в тяжелой ситуации и будучи вынужденными вести войну на два фронта – против этрусков и Пирра, римляне, как нам представляется, начали тонкую дипломатическую игру с целью выигрыша времени для успешного завершения войны с этрусками. Но что сегодня называется большой дипломатией, в древности могло рассматриваться признаком вероломства и обмана. Поэтому вполне объяснимо, что римская анналистика, которая на первое место неизменно выставляет доблесть и честь римлян, постоянно апеллируя к традициям предков, тщательно затушевывает этот неприглядный для нее эпизод. В силу этих причин умалчивается не только римская инициатива в проведении переговоров (в лучшем случае ее передают Пирру), а порой и тщательно затушевывают сам факт их проведения. И не случайно, что римская историография, воспевавшая доблесть, бескорыстие и честность своих предков, выдвинула на первый план слепого Аппия Клавдия, наделив его всеми этими качествами. Срыв переговоров и привел к походу Пирра на Рим. В этом смысле едва ли можно согласиться с точкой зрения О. Гамбургера о том, что миссия Киней происходила одновременно с походом на Рим³¹. Нам не известен ни один эпизод античной истории, когда бы переговоры о мире происходили одновременно с ведением боевых действий.

Преследуя своим походом сразу несколько целей – соединиться с этрусками и зажать римлян в клещи, продемонстрировав свою силу, побудить римлян к заключению мира, по возможности способствовать отпадению от Рима его союзников, не говоря уже об идее захвата города, – эпирский царь не достиг ни одной. Перелом в войне так и не наступил. Одним из последствий неудачного похода на Рим было падение авторитета Пирра и одновременно повышение авторитета римлян среди италиков³². Позиции римлян упрочились настолько, что они были готовы к продолжению военных действий. Они и были продолжены ранней весной 279 г. до н.э.

С.С. Казаров

ON THE CIRCUMSTANCES AND CAUSES OF PYRRHUS' ROMAN EXPEDITION

S.S. Kazarov

Pyrrhus' Roman campaign of 280 BC has not been studied sufficiently. According to one tradition of the ancient historiography (initiated by Appianus), Pyrrhus' expedition took place immediately after the negotiations with Rome failed. Another tradition, that of Livy and his epitomators (Florus, Eutropius and Zonaras), presents the events in a different order: the battle of Heraclea – the Roman expedition – the negotiations. Among the modern scholars, Niebuhr, Schubert and Scala accept Appianus' version, while Droysen, Bengtson and Hussel support that of the annalists. According to Ihne and Hamburger, the expedition and the negotiations were simultaneous.

Various versions were put forward to explain the reasons of the war: Pyrrhus' wish to help the Etruscans, to get new allies and to demonstrate his military power. In the author's opinion, the whole complex of these reasons was important.

The events seem to have developed in the following order. Having devastated Campania, Pyrrhus came up to Anagnina, but then turned back. The changes in the political situation (peace with the Etruscans and firmness of the allies of Rome) predetermined the failure of the campaign. The author supposes that the aims of the campaign were also to examine the true worth of Roman military power and to study the prospects of staying in Italy for a longer period of time.

The circumstances of the campaign were deliberately distorted by the Roman historians in order to conceal Roman diplomatic manoeuvres. The Romans started the negotiations, but after the peace with the Etruscans broke them off. A fall of Pyrrhus' prestige among his allies and a rise of Roman military enthusiasm can be added to the results of the expedition.

³¹ *Hamburger. Op. cit. S. 59.*

³² *Nederlof. Op. cit. S. 142.*